

Как Сталин в немецкий тыл за еврейским

Авраам Суцкевер (справа) незадолго до начала войны, Вильнюс

Когда писавший на идише выдающийся поэт Авраам Суцкевер говорил, что поэзия спасла ему жизнь, он имел в виду прямой смысл этого слова.

В 1944 году Суцкевер с женой должны были пересечь минное поле, чтобы сесть на самолет, который доставит их на свободу. И они пошли в ритме поэтического метра — короткий шаг, короткий, длинный, а иногда — длинный, короткий, длинный. Стихи Суцкевера о Холокосте и его роль в спасении бесценных рукописей от нацистов побудили советские власти — вероятно, самого Сталина — направить не одну, а две спасательные миссии в оккупированную нацистами Литву, чтобы доставить супругов в Москву. Два года спустя поэт, как свидетель от СССР, давал показания на Нюрнбергском процессе.

Удивительная история жизни этого человека впервые рассказывается в документальном фильме «Черный мед: жизнь и поэзия Авраама Суцкевера»,

сопродюсером которого стала внучка поэта Хадас Кальдерон-Суцкевер. Воспоминания о Вильнюсском гетто, где выжил 1% евреев — одно из самых необычных и впечатляющих свидетельств ада на Земле. В одном из стихотворений Суцкевер повествует, как партизаны отливали пули из свинцового набора еврейской типографии в Вильнюсе, поскольку «еврейская храбрость, заключенная в словах, должна эхом отзываться в мире пулями». В другом произведении он вспоминает, как офицер СС Бруно Киттель убил человека, держа пистолет в одной руке и играя на пианино другой.

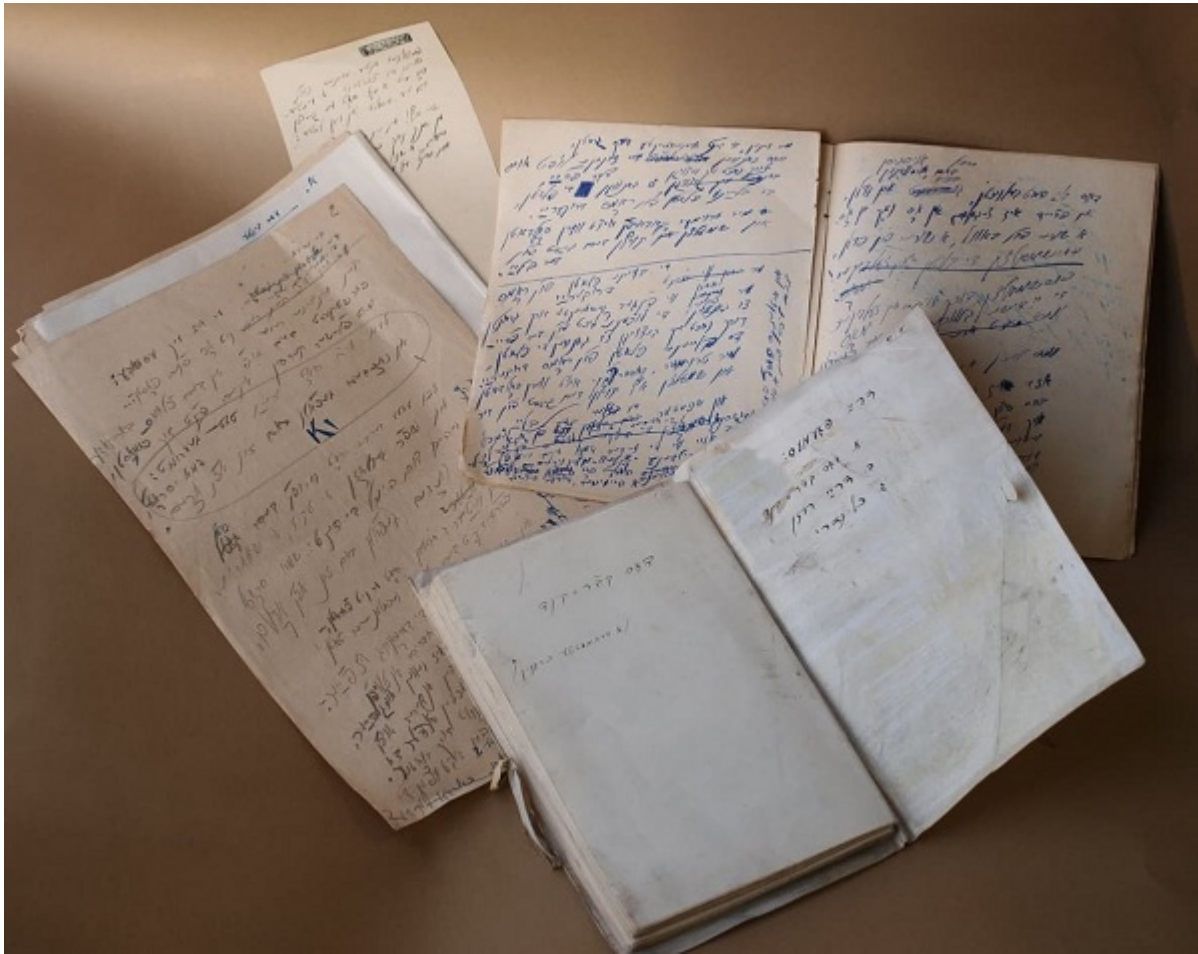
До войны увлеченность поэта красотами природы превратила его в аутсайдера вильнюсской еврейской литературной сцены с ее политическими мотивами. В гетто его стихи стали мрачными и очень личными. Первый ребенок Суцкевера, рожденный в больнице гетто, был сразу же отравлен по приказу нацистов, запретивших роды.

Я хотел поглотить тебя целиком, дитя моё

когда почувствовал, как твоё маленькое тело охлаждается между моими пальцами

как теплая чашка чая.

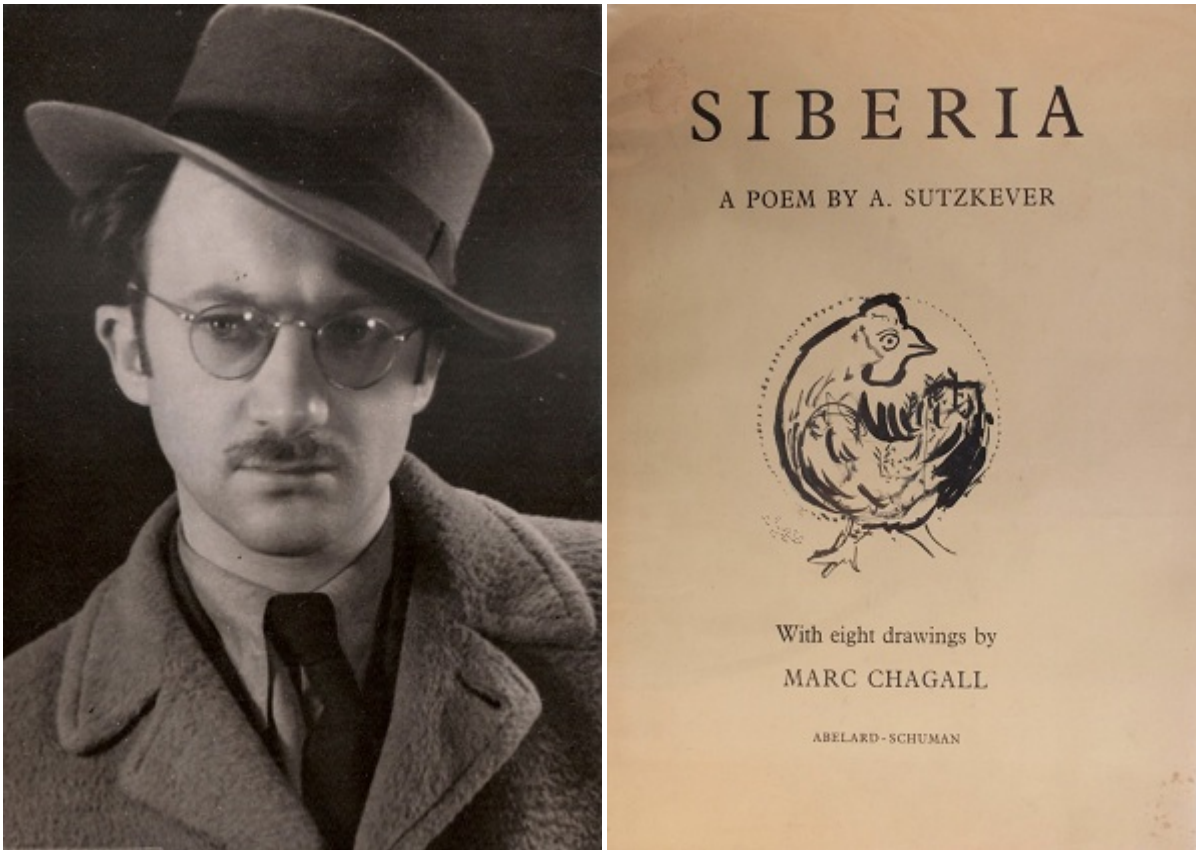
Мать поэта убили недалеко от гетто, и он тоже писал об этом. Отец Авраама умер в Сибири, когда мальчику было семь лет, что заставило семью переехать в Вильнюс.

Черновики поэта, вывезенные из Вильнюсского гетто

В 1943 году Суцкеверу было поручено каталогизировать избранные еврейские произведения, которые нацисты хотели сохранить для своих архивов об уничтожении европейского еврейства. Но поэт и горстка членов «бумажной бригады» рисковали жизнью, чтобы переправить за пределы гетто и спрятать сотни бесценных документов, которые сегодня благодаря им хранятся в Израиле. В 1943 году Авраам и его жена Фрейдке бежали из гетто. Интересно, что во время побега немецкий часовой заметил поэта после наступления комендантского часа. Вместо того, чтобы просить о пощаде, Авраам подошел к немцу и сказал: «Я рад, что встретил вас. Не знаете ли, куда можно пойти, чтобы там не было немцев?». Часовой позволил ему бежать, а женщина-христианка прятала его в своем картофельном погребе, пока он не присоединился к партизанам. Из партизанского отряда стихи Суцкевера и некоторые спасенные им документы дошли до Москвы, став первыми пугающими свидетельствами трагедии евреев Литвы.

С ними ознакомились ключевые фигуры московской литературной сцены, включая Илью Эренбурга, которому доверял Сталин. В 1944 году был отправлен самолет, чтобы забрать Суцкеверов из партизанского лагеря, где Фрейдке исполняла обязанности медсестры. Его сбили немецкие зенитки. Второй самолет прилетел через две недели, и паре пришлось пересечь минное поле, чтобы добраться до него. «Некоторое время я шел анапестом, иногда амфибрахией, — вспоминал Авраам. — Я погрузился в ритм мелодии, и под него мы прошли километр через минное поле». Жена шла по его следам. В руках поэт нес металлический чемодан, сделанный из крыльев первого самолета. В чемодане лежали документы, в том числе, программа концерта Филармонического оркестра Виленского гетто. (Почти все его музыканты были убиты, когда Суцкевер доставил архив в Москву.)

Авраам Суцкевер и его поэма «Сибирь» с иллюстрациями Марка Шагала

Через два года после эвакуации, о которой писали на первой полосе «Правды», Суцкевер давал показания на Нюрнбергском процессе. Он хотел выступать на идише, но советские власти настояли, чтобы показания были даны на русском языке. В 1947 году поэту разрешили эмигрировать. Очевидным выбором был Нью-Йорк, где его ожидали теплые объятия идишистских литературных кругов, но супруги выбрали раздираемый войной Израиль, где идиш попирался как уродливое наследие галута. Тем не менее, Суцкеверу удалось основать здесь авторитетный еженедельник на идише «Di Goldene Keyt» («Золотая цепь»), просуществовавший до 1995 года.

В Израиле Авраам Суцкевер был признан одним из величайших поэтов на языке идиш, а литературный критик Дан Мирон превозносил его, как «короля идишской прозы второй половины XX века». Суцкевер скончался в возрасте 96 лет, но в значительной степени остается неизвестным массовому читателю в Израиле, несмотря на полученную в свое время самую престижную литературную награду страны — Премию Израиля.

Кнаан Липшиц, jta.org